

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

В.И. Федоров

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII век

*Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
032900 «Русский язык и литература»*

Под редакцией профессора,
доктора филологических наук
В.И. КОРОВИНА

Москва

ГУМАНИТАРНЫЙ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ЦЕНТР
ВЛАДОС
2003

ББК 83.3(2Рос-Рус)1 я73
Ф33

Рецензент:
доктор филологических наук, профессор
С.Н. Травников

Федоров В.И.

Ф33 История русской литературы: XVIII в.: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. проф., д-ра филол. наук В.И. Корovina. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. — 368 с.
ISBN 5-691-00708-4.

В учебнике раскрыты основные особенности историко-литературного процесса в России XVIII века. Разделы, содержащие характеристики литературы отдельных периодов, включают главы монографического характера о художественных достижениях и эстетических исканиях крупнейших писателей того времени: М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, Д.И. Фонвизина, Г.Р. Державина, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина и др.

ББК 83.3(2Рос-Рус)1 я73

ISBN 5-691-00708-4

- © Федоров В.И., 2003
- © «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003
- © Серийное оформление обложки. «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС», 2003

*Светлой памяти жены и друга
Анны Сергеевны Елеонской
посвящается*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роль каждого исторического периода в жизни своего народа, в развитии его культуры, искусства в частности, неоспоримо велика. Особенно таких периодов, каким был XVIII век в России: это была одновременно и эпоха перелома, и эпоха накопления.

В области литературы это время формирования так называемой «новой» русской литературы, для чего необходимы были «обмирщение» (секуляризация) в искусстве, признание вымысла одним из ведущих структурообразующих факторов художественного произведения и создание новой жанровой системы. Это произошло во второй трети века.

Как и многие явления культуры в России XVIII века, литература прошла большой и сложный путь ускоренного развития. Русская литература XVIII столетия сохранила и умножила лучшие качества литературы предшествующего периода: ее патриотизм, духовно-нравственный потенциал, связь с народным творчеством, все увеличивавшийся в ней интерес к человеческой личности, обличительную направленность против социальных «нестроений», сатирическое осмеяние общественных и человеческих пороков. Но нерасторжима ее связь со своим временем. Отражая основные этапы становления русской нации и государственности, русская литература непосредственно вмешивалась в решение актуальных политических, социальных вопросов и стала мощным орудием дальнейшего роста национальной культуры и самосознания русского народа, важнейшим фактором нравственного воздействия на общество.

Вместе с тем велика была роль литературы XVIII века в подготовке блестящих достижений русской литературы в следующем — «золотом» — веке. О богатом наследии русской литературы будет сказано еще не раз. Здесь же отметим ряд совпадений у писателей позапрошлого столетия с нашими классиками.

Так, житейская «философия» Молчалина, как мы помним, была зло высмеяна Грибоедовым:

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья —
Хозяину, где доведется жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Что-то подобное уже встречалось в нашей литературе. Да вот, в «Житии Федора Васильевича Ушакова» А.Н. Радищева читаем: «Большая часть просителей думают, и нередко справедливо, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем их касается: и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что вздумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то к секретарю его, к секретарю его секретаря, если оный у него есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят».

Афористически отточенное утверждение автора «Горя от ума», вложенное им в уста Молчалина («...Ах! Злые языки страшнее пистолета»), также появилось много раньше (правда, в менее «изыщной» форме) в комедии М.М. Хераскова «Ненавистник»:

Злоречие всего полезнее для света,
Понадобней оно ружья и пистолета ...

Несомненен интерес Пушкина к творчеству писателей — своих предшественников. Вот бесспорные тому следы. В своей повести «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзин так описал возникновение чувства любви в сердце его героини. Находясь в церкви, «помолившись с усердием, она (Наталья. — *В.Ф.*) ненарочно обратила глаза свои к левому крылосу, — что же увидела? Прекрасный, молодой человек, в голубом кафтане с золотыми пуговицами, стоял там, как царь, среди всех прочих людей, и блестящий пронизательный взор его встретился с ее взором. Наталья в одну секунду вся покраснелась, и сердце ее, затрепетав сильно, сказало ей: вот он!.. Она потупила глаза свои, но не надолго; снова взглянула на красавца, снова запылала в лице своем и снова затрепетала в своем сердце». «Любезный призрак», прельщавший ее воображение и днем и ночью, представился ей наконец образом «сего молодого человека».

Приведем для сравнения с цитированными страницами карамзинской повести некоторые строфы из «Евгения Онегина» Пушкина.

С Натальиной «потребностью любить», игрой воображения, внезапной любовью к Алексею перекликаются переживания Татьяны:

Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это он.

Призрак, «прельщавший» Наталью, и его мгновенное опознание героиней имеют место и в «письме Татьяны»:

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!

Много совпадений и во взаимоотношениях Натальи с ее мамкой и Татьяны с ее няней, вплоть до совпадений текстуального характера: мамка Натальи называет свою барышню «раннею птичкой», а Филиппевна Татьяну — «пташкой раннею». И мамка Натальи, и няня Татьяны долгое время не понимают душевного состояния своих воспитанниц. Отметим также, что в черновых вариантах «Евгения Онегина» героиня называлась Натальей.

О том же, что Пушкину хорошо была известна приведенная повесть Карамзина, есть прямое свидетельство самого поэта: Лиза — Акулина из «Барышни-крестьянки» Пушкина «на третьем уроке... разбирала уже по складам “Наталью, боярскую дочь”».

Воздействие «Истории государства Российского» на Пушкина и на его современников было отмечено многократно.

Не оставил без внимания Пушкин и произведения поэтов XVIII века. К их творчеству он обращался не только в юности, но и тогда, когда достиг вершины своего мастерства. Ограничимся в этом случае лишь одним примером. В первой главе «Евгения Онегина» встречаются следующие стихотворные строки:

С душою, полной сожалений,
И опершись на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит.

И этим «пиитом» был М.Н. Муравьев, талантливый, заметный писатель, учитель К.Н. Батюшкова (по мнению Г.А. Гуковского, и учитель многих поэтов конца XVIII века). Заключительная строфа его стихотворения «Богине Невы» звучала так:

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершись на гранит.

Приведенные примеры (а их количество можно было бы значительно увеличить), конечно, в какой-то степени выясняют связь веков на писательском поприще. Но они, естественно, не в состоянии выявить все то литературное богатство, какое старшее поколение передало своим наследникам. Для этого необходимо хотя бы самым кратким образом представить себе в целом содержание и характер историко-литературного процесса в России XVIII века.

Одной из основных закономерностей развития литературы был процесс ее неуклонной демократизации. Он отчетливо прослеживается как на «идеологическом» уровне, так и на уровне поэтики. На первом этапе — в переходный период — главным содержанием этого процесса было «обмирщение» литературы, обращение ее к «земным» горестям и радостям. И если в 40–50-х годах (после сатир А. Кантемира) ведущее место стали занимать высокие жанры (ода, трагедия) с их державными, аристократическими героями, то через полтора-два десятилетия на российский парнас взойдет ямщик Елеса, пьяница и забияка («Елисей, или Раздраженный Вах» В.И. Майкова), а героиней романа окажется женщина нестрогого поведения («Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины» М.Д. Чулкова). Особо следует отметить, что с 60-х годов одной из ведущих в литературе становится крестьянская тема. Писатели настойчиво начинают вести художественный анализ не только следствий (Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин), но и самого основного конфликта эпохи (А.Н. Радищев) — между закрепощенным крестьянством и его угнетателями.

Демократизация литературы нашла свое яркое воплощение также в смене писательского типа. На рубеже XVII и XVIII веков ведущей фигурой в литературе все еще был монах-полигистор, «сочиняющий по обету или внутреннему убеждению». В петровское время ему на смену приходит «грамотей, пишущий по заказу или прямо “по указу” царя». Вместе с тем этому грамотею разрешено было сочинять и приватно, для развлечения, что повлекло за собой снятие запретов на смех и на любовь¹. Иными словами, писатель-интеллектуал, с кем Петр I был вынужден заключить союз, не оправдал его надежд и вскоре был отеснен писателем-«непрофессионалом», но деятельным участником общественной жизни (выступавшим преимущественно в области публицистики). Завершается этот период писательской эволюции своеобразным «синтезом» отмеченных двух линий в творчестве Ф. Прокоповича.

¹ См.: *Пекарский П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 18, 210 и сл.; *Панченко А. М.* О смене писательского типа в петровскую эпоху // XVIII век: Сб. 9. Проблемы развития литературы в России первой трети XVIII века. Л., 1964. С. 125.

Начавший формироваться в петровское время новый тип общественного сознания, требовавший подчинить всю деятельность гражданина «общей пользе», крепко связавший передовых русских писателей последующих поколений с просветительскими идеями, породил плеяду писателей-борцов, проявивших незаурядное гражданское мужество, когда речь шла о борьбе с коренными социальными пороками. Для более тесной и оперативной связи с читательскими кругами с 60-х годов было развернуто широкое издание журналов.

В последней трети XVIII века отстаивание просветительского тезиса о естественном (физическом) равенстве людей, о внесловной ценности человека принимает столь решительные формы, что среди писателей появляются такие, которых можно назвать народными «сочувственниками» (в первую очередь Новикова и Фонвизина). Стремление же А. Н. Радищева всей своей литературно-общественной деятельностью коренным образом изменить судьбу народа, уничтожить крепостное право и самодержавие дает все основания видеть в нем народного заступника.

Высокая гражданственность, глубокий патриотизм передовых писателей XVIII века предопределили их борьбу с консервативными силами, мешающими прогрессу русского общества. Среди таких «внутренних» врагов, кроме тех, кто злоупотреблял крепостным правом и самодержавной властью, литература выделяет «лихих супостатов» законам (Капнист). Естественно, борьба с «беззаконием», с «законоломцами» (Кантемир) на всех уровнях становится одной из ведущих тем художественных произведений. Идейное богатство русской литературы сочеталось в ней со значительными художественными достижениями. Именно в XVIII веке разрабатывались нормы и принципы развития литературного языка; были приняты новые системы жанров и стихосложения (силлабо-тоническая). Этими системами до сих пор (с небольшими изменениями) плодотворно пользуются писатели и поэты. Русская литература XVIII века выполнила прежде всего свою главную задачу — социально и нравственно воспитывать своих современников. Одновременно с этим она во многом подготовила блистательный расцвет классики XIX века.

Одной из основных задач предлагаемого учебника является раскрытие ведущих особенностей, динамики историко-литературного процесса в России XVIII века. Поэтому основное внимание уделяется анализу идейно-эстетического содержания, формированию, взаимопроникновению, борьбе и смене литературных направлений, а также деятельности тех писателей, которые сыграли определяющую роль в развитии художественного творчества, литературного языка и эстетической мысли.

Определяющим этапом в жизни русского народа и в его литературе в XVIII веке оказался период петровских преобразований. «Новая» русская литература, во многом подготовленная предшествующим периодом ее развития, в 30–40-е годы завершает в основном переход от средневековой жанровой системы к системе жанров нового типа, стремясь к синхронному включению в общеевропейский литературный процесс. К этому же времени относится и завершение секуляризации (освобождения от церковного духовного влияния) русской литературы.

Рост интереса русских писателей XVIII века к человеческой личности углублял гуманистическое начало в искусстве. А просветительская основа русской литературы XVIII века влекла за собой утверждение внесловной ценности человека, развитие антифеодальной морали.

С 60-х годов XVIII столетия, наряду с зарождением сентиментально-предромантического направления, резко усилился рост реалистических тенденций, неразрывно связанный с дальнейшим развитием сатирической линии. Русская литература стала искать подходы к социальному анализу, объясняя характер как результат воздействия на него среды, внешних обстоятельств. В определенную идейно-эстетическую систему эти тенденции не сложились. Но формирование реализма (как и романтизма) начинается в XVIII веке.

К концу столетия намечается синтез личностного и общественного начала в пределах одного произведения (ода «К милости» Карамзина, ряд произведений Радищева и др.).

Наконец, в вершинном произведении русской литературы XVIII века — «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев придет к выводу о неизбежности народного восстания.

Литература **конца XVII — первых** **десятилетий XVIII века**

В конце XVII — начале XVIII века произошли существенные экономические, социально-политические и культурные изменения в жизни русского общества. Наиболее рельефно эти сдвиги прослеживаются в Петровскую эпоху, но начало им было положено примерно с середины XVII века, когда стали возникать необходимые условия для формирования русской нации.

Вековая борьба «царства» и «священства» закончилась окончательной победой государства над церковью. Утверждение авторитета государства над авторитетом церкви ускорило начавшийся процесс «обмирщения» всех сторон русской жизни. Для русского народа было жизненно необходимым вывести свою страну из отсталого состояния, как можно быстрее выйти в области экономики, политики, культуры, наконец, на рубежи передовых европейских стран. И за короткий срок благодаря деятельности Петра I и его преданных единомышленников и, конечно, вследствие колоссальных усилий всего русского народа с Россией произошел «великий метаморфозис».

Была создана армия нового образца, вскоре начавшая одерживать победы над шведской армией Карла XII (шведы считались самым сильным войском в Европе). Столь же успешно был организован военноморской флот, с его помощью Россия получила выход в Балтийское море. Значительны были успехи и в области торговли, промышленности. Коренному переустройству подверглись органы государственной власти.

Процесс переустройства был необратим. Россия начала быстро завоевывать европейский авторитет, становилась могучей державой. Если Русское государство еще совсем недавно «и в число европейских народов мало почитали», говорил П.П. Шафиров (один из помощников Петра I, автор «Рассуждения, какие законные причины его царское величество Петр Первый к начатию войны против короля Карола 12 шведского в 1700 году имел». СПб., 1717, а «ныне никакое дело, ниже во отдаленных краях европейских не чинится, к которому б или о его

царского величества (Петра I. — В.Ф.) приязни и союзе не старались, или осторожности и опасности в противности от оного себе не имели».

Процесс коренной ломки, замены старого новым захватил не только «материальную» сферу (промышленность, торговлю и т. п.), он настойчиво стал вторгаться в область духовной жизни русских людей.

Одним из важнейших факторов переходного периода, а Петровского времени в особенности, была разработка новой концепции человека, новое решение проблемы личности. Человек перестает быть лишь источником греховности. Он воспринимается как активно действующая личность, ценная и сама по себе и еще в большей степени за «услуги Отечеству», когда не богатство и знатность рода, а общественная польза, ум и храбрость могут возвести человека на одну из самых высоких ступеней социальной лестницы. И примеров тому в Петровское время немало. Это Меншиков, Ягужинский, Нестеров, да и сама жена Петра, будущая императрица, «знатностью» рода не отличалась.

Петр I на практике осуществлял один из основных постулатов просветительства — требование внесловной ценности человека. Позже, в 1722 году, он зафиксировал это положение и законодательным путем в «Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных», открывшей возможность недворянам получать за заслуги перед государством дворянское звание. Возможно, что в первую очередь именно этот законодательный акт имел в виду Белинский, когда давал оценку реформам Петра I: «Реформа Петра Великого не уничтожила, не разрушила стен, отделявших в старом обществе один класс от другого, но она подкопалась под основание этих стен, и если не повалила, то наклонила их набок, — и теперь со дня на день они все более и более клонятся»¹.

Литература Петровского времени

Человек в Петровское время уже заслуживает того, чтобы ему разъясняли государственную политику, чтобы он действовал не слепо по приказу, а проникся сознанием необходимости и пользы тех или иных правительственных мероприятий. С этой целью с конца 1702 года издавалась первая в России печатная газета «Ведомости». В ней сообщалось «о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах» (как сказано в общем годовом титуле к комплекту газет за 1704 год).

Тем же агитационным целям служили и другие жанры публицистики — ораторская проза (чаще всего проповеди), всевозможные проекты («пропозиции»), политические трактаты (такие, как уже упомянутое «Рассуждение...» П. П. Шафирова, «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент» Феофана Прокоповича и другие). Большинство

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 9. С. 431.